

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

УДК 1:008

НАУКА О МИФЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблемам понимания наукой мифа и мифологического мышления, в котором отражаются не только человеческие вопросы бытия, но и проблемы состояния и развития самой науки. Цель статьи – рассмотреть типичные заблуждения науки о мифе и мифологическом мышлении, как проявления научного мифотворчества. Актуальность данной темы определяется необходимостью в новой постановке проблемы изучения мифа и мифотворчества в соответствии с современными запросами на её, связанными с констатацией бурного роста социального мифотворчества. Для этого исследователи применяют расширительное толкование мифа, положенное в основу формирования неклассической мифологии и общей теории мифа.

Ключевые слова: миф, современный миф, мифологическое мышление, мифотворчество, общая теория мифа, неклассическая наука, неклассическая мифология

THE SCIENCE OF MYTH AND MYTHOLOGICAL THINKING: ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problems of science's understanding of myth and mythological thinking, which reflects not only human questions of existence, but also the problems of the state and development of science itself. The aim of the article is to consider typical misconceptions of science about myth and mythological thinking as manifestations of scientific myth-making. The relevance of this topic is determined by the need for a new formulation of the problem of studying myth and mythmaking in accordance with modern requests for it, associated with the establishment of the rapid growth of social mythmaking. For this purpose, the researchers apply an expansive interpretation of myth, which is the basis for the formation of non-classical mythology and the general theory of myth.

Keywords: myth, modern myth, mythological thinking, myth-making, general theory of myth, non-classical science, non-classical mythology

Введение (Introduction)

Сложно писать про явление, о сути которого за тысячи лет люди не договорились даже на уровне определения, понимая под ним что-то своё, особое. Однако есть основания полагать, что в развитии мифологии наступает такой период, когда ключевые пазлы головоломки складываются и создаются условия для

формирования того, что в нынешних условиях можно назвать общей теорией мифа (ОТМ). Именно общей, не единой, потому что единой теория мифа в его расширенном понимании быть не может, поскольку одним из главных условий её формирования является складывание и умножение накопленного разными отраслями научного знания, каждое из которых играет в понимании мифа свою незаменимую роль, выступая для нас не конечным, предельным, безоговорочным в своих формах знанием, которому предписано быть таким, каким его мыслят, но лишь основой для иного видения и дальнейшего движения вперёд, которое обеспечивает неклассическая мифология, изучающая и описывающая миф как таковой и в первую очередь современный, неограничивая его.

В свете этого особо важно разобраться в том, какие представления о мифе в науке господствуют с учётом психологии восприятия, мысли и речи, и почему? Что с ними не так, коль наука обнаруживает миф везде, но своего мифотворчества не замечает? Как это мифотворчество влияет на саму науку и что с ним делать: использовать или шельмовать и истреблять? И можно ли истребить в человеке и культуре в целом то, что наполняет смыслом человеческое бытие и составляет его духовную основу? Как быть, если миф глубоко антропологичен, и это проявляется даже в самоназвании человека, когда люди решили назвать себя «*homo sapiens*», хотя подавляющая часть их поступков этого не подтверждает? Показать же эти проблемы можно, лишь приняв, что «мифологические структуры (образы, архетипы) укоренены не только в сознании человека, но и в научном знании, на уровне его оснований» [Ильянович 2022: 89].

Литературный обзор (Literature Review)

Теоретическую базу данной статьи представляют труды исследователей, которых можно причислить к мифологической классике: Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, К.Г. Юнга, А.А. Потебни, М. Элиаде, К. Леви-Строса, К. Хьюбнера, Дж. Кэмпбелла, Ю.М. Лотмана, Г.Д. Гачева, А.М. Пятигорского, Б.А. Успенского, А.М. Лобока и др., а также работы современных исследователей, чьи публикации выходили и были отмечены в сборниках Международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре»: А.М. Буровского, О.А. Габриеляна, А.А. Гагаева, А.С. Глушака, А.Г. Иванова, С.А. Маленко, Н.И. Мартишиной, В.М. Найдыша, А.Г. Некиты, М.В. Пивоева, С.М. Поздязевой, В.М. Полосина, А.Н. Садового, А.С. Тимошука, С.В. Тихоновой, Е.Л. Яковлевой и др. [Миф в истории политике, культуре 2019, 2020, 2021, 2023], чьи идеи, наработки, гипотезы легли в основу общей теории мифа.

В вопросах рассмотрения особенностей работы мышления, языка, сознания, мозга большую помощь оказали труды в области психологии и когнитивистики П.К. Анохина, Н.П. Бехтеревой, Дж. Брунера, Л.С. Выготского, Д. Иглмена, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А.Р. Лурии, Дж. Миллера, У. Найсера, В.В. Налимова, М.В. Пименовой, Б. Тверски, К. Фрита, Т.В. Черниговской и др.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Когда речь идёт о мифотворчестве, ключевым вопросом для понимания его причин и мотивов является проблема скрытых структур механизма мышления и функционирования сознания с учётом работы т.н. дефолт-системы, без которых творчество в принципе невозможно. И мифотворчество – важная часть его, которую у нас традиционно недооценивают. Хотя, изучая миф, наука познаёт себя и свои возможности, чтобы двигаться дальше [Ставицкий 2012а].

Причиной тому во многом является идущая от позитивистов установка противопоставления логического и мифического (образно-художественного), где первое ассоциируется с правдой, а второе с порочным враньём, хотя сводить к ним работу человека с информацией, знанием, моделями, структурами, образами, заявляя, как раньше, что миф строится на вере, а наука – на фактах, неверно уже в силу узости подхода, т.к. сам факт неотделим от познающего как образ реальности и факт сознания, включая в себя его скрытые установки и мотивации, а значит, не сводится к правде и лжи, как не сводятся к ним литература, искусство и сам процесс познания, неся в себе элементы того и другого, и не обходится без веры в его правдивость и значимость.

Понять позитивистов можно, ведь с точки зрения логики миф изначально неправилен и сам возвёл эту неправильность в абсолют. Он надтелесен и принадлежит к тому когнитивному пространству, которое до сих пор является для человека непознаваемым, как бы себя мы ни убеждали в обратном. И связано это с тем, что логическое описание мифа становится препятствием для понимания, но снимается на уровне поэтики, которая выступает высшим языком его изложения, ставя задачу не упрощать через исключение, но множить, предлагая варианты прочтения и осмысления, стремящиеся к бесконечности, где понять можно, лишь приняв, приобщившись и прочувствовав [Альбедиль 2003]. При этом, рационально мыслящий человек не может овладеть собственным мифом и осознать его, что, впрочем, никак не мешает ему мифом активно пользоваться, практически его не распознавая и скрывая под другими названиями [Ставицкий 2012с].

Согласно идее эмпириков-позитивистов, наука может основываться лишь на фактах, наблюдаемых, проверяемых и реконструируемых. И с этим простым утверждением хочется согласиться. Но, как известно, факты можно совершенно по-разному наблюдать, проверять, трактовать и реконструировать, встраивая в абсолютно разные и даже противоположные системы, заставляя их «работать» в разных смысловых режимах и давая кардинально разный результат.

Однако, что мы от мифа хотим, если к началу XX в. простые конкретные факты стали неоднозначно понимаемыми и интерпретируемыми, что было подмечено известным многими, включая теоретика науки К. Хюбнера, писавшего об этом следующее: «Расхождения Эйнштейна с Бором ясно показывают, что «факты» для каждого из них имеют различный смыслы и проявляют себя по-разному» [Хюбнер 1994: 163]. Но ведь эта проблема касается каждого исследователя, а не только А. Эйнштейна с Н. Бором. И связано это с тем, что, имея дело с фактами, исследователь обычно берёт самый простой¹, либо самый близкий ему вариант толкования, выстраивая модель интерпретации под себя в соответствии с гештальтом как некую целостность, где знание становится личностным [Полани 2013], а наука не только рациональной. Но данный подход, как правило, не является единственным. В любом случае учесть, тем более оценить все варианты он не может, так как они возникают не только в силу разного профессионализма и мотивации исследователей, но и по мере изменения контекста. Причём контексты могут меняться на «выходе» (исторический контекст источника) и на «входе» (контекст восприятия исследователя), а также в процессе исследования. Но при таком количестве неизвестных всё учесть и

¹ У известного американского физика Р. Фейнмана об этом сказано: «Почему природа позволяет на по наблюдениям за одной частью догадываться о том, что происходит повсюду? Конечно, это не научный вопрос; я не знаю, как на него правильно ответить, и ответу столь же ненаучно: мне кажется причина в том, что природа проста, а потому прекрасна» [Фейнман 2020: 254].

рассчитать одну универсальную модель, тем более её реконструировать, не представляется возможным.

Поэтому в лучшем случае исследователю удастся максимально правдоподобно и убедительно обосновать свои подходы и выводы, в максимально возможной степени убедив остальных. Значит, абстрагируясь от этих сложностей, такой учёный, а вслед за ним и наука, будут исходить из описанного ещё А. Пуанкаре конвенционального принципа «будем считать, что всё было так, как мы договорились», решая большинством, какой вариант на данный момент объявить истинным. Естественно, до тех пор, пока не поменяются контексты и мотивации. Тогда точка зрения изменится. Предыдущая модель будет объявлена ложной, непродуманной, устаревшей, мифической, и начнётся честование и утверждение новой, чтобы со временем и её поменять. И так бесконечно. Но в том нет крамолы. Мир меняется в каждом конкретном факте бытия и во всей целостности, а следом за ним меняются и наши взгляды о нём, где ложь и правда, за редким исключением настолько переплетаются, что становятся неизбежно размытыми, подвижными, неразличимыми, позволяя нам самим решать, что как считать и показывать. Однако почему в отношении науки учёные это понимают и принимают, а в отношении мифа нет? Почему наука получила презумпцию невиновности, где все ошибки списываются на конкретных учёных, оставляя саму науку невинной, но в отношении мифа нет, обвиняя его в том, в чём наука виновна не меньше? Правильно ли и честно ли делать из него «козла отпущения» и виновника человеческих бед?

К сожалению, доминирующий в общественных и научных взглядах до сих пор позитивизм именно в силу простоты его подходов к познанию данные эпистемологические нюансы практически игнорирует, что особенно хорошо видно по трудам виднейшего позитивиста, британского математика и философа Бертрانا Рассела [Рассел 1999]. Спрашивается: почему же позитивисты этого не учитывают? Почему мыслят столь однозначно? Почему обращаются с каждым фактом, как с чем-то неизменным и не подлежащим иной трактовке, кроме той, что выбрали они? Чего им не хватает для понимания таких простых вещей? И последнее: не есть ли такие внутренне строго логические и вместе с тем ложные в своём упрощении подходы основанием для возникновения новых мифологий, в которых учёные взаимно обвиняют друг друга, если их теории друг с другом не согласуются? Впрочем, по-настоящему нас интересует только последний вопрос, и на него мы отвечаем утвердительно, подтверждая, что наука как живое и постоянно развивающееся целое, чтобы развиваться и преобразовываться, вынуждена постоянно диалектически отрицать себя, стремясь к истине и объявляя ею то, что на данный момент кажется верным. Но как? Не через миф ли? Не с его ли помощью, используя те истины, которые рождаются в ней как ересь, а умирают, как предрассудок, будучи всегда для нас в образно-символической форме отражённой сознанием реальностью? И не отдаёт ли это неким плохо скрываемым лукавством? [Ставицкий 2012а]

Давая оценку подходам позитивистов, К. Хьюбнер подчёркивал: «История духа, таким образом, не должна... пониматься как линейное движение от примитивного к высшему. Она демонстрирует скачки и повороты, в которых общее направление полностью изменяется. Впечатление подъёма к вершине... возникает лишь благодаря тому, что мы рассматриваем историю с её конца, а именно, от научно-технической эпохи» [Хьюбнер], которая воспринимается как некий итог и результат. Впрочем, для нас здесь важно другое: примитивные в своей логичности аргументы позитивистов подводят к любопытному парадоксу, когда, содействуя вытеснению мифа из нашей

жизни, мы ещё более утверждаем его, невольно множа иррациональное, делая из мифоборцев мифотворцов [Барт 1994]. И наука с этим «хаосом» справиться не может, несмотря на все старания. Но должна ли? Способна ли наука научить слышать и видеть Бога во всём сущем, с равным усердием внимать молитве и птичьему пению, шелесту листьев и шуму дождя, гомону рынка и журчанию ручья? Позволяет ли забыть о себе, став просто ухом, слушающим, что говорит в нём вселенная Божьего Слова? А миф может.

Возможно, поэтому среди учёных иногда можно даже услышать мнение, что наука ещё не достигла того уровня знаний о невидимом тонком мире, которым обладали египетские жрецы. Но, может быть, это просто не её сфера? Ведь с пониманием мифа происходит, как с музыкой, когда написанные ноты воспринимаются читающим как знаки, тогда как на самом деле они лишь отражают объединённые мелодией звуки. Их можно читать и толковать, разделять, переставлять местами, а нужно слышать и слушать как симфонию. Не многие слышат мифы в музыке бытия. С немногими мифы говорят. Хотя «музыка» мифов идентична «музыке» формул, о которой пишут, говорят и думают гениальные математики, где миф есть один из способов воплощения Слова Бога как абсолютного Бытия. Поэтому мифологическое мышление не шаг вперёд или назад по сравнению с наукой, но просто другой способ понимать реальность [Сайко 2003], а говорить о мифе в рамках дихотомии «правда/ложь» так же примитивно и неправильно, как утверждать, что теория относительности – о том, что всё вокруг относительно.

В свою очередь проблема взаимодействия «научного» и «мифологического» мышления ставит вопрос об их эволюции [Режабек 2002], напоминая старый научный спор по этому поводу между выдающимися французскими антропологами Л. Леви-Брюлем и К. Леви-Стросом о т.н. «до-логическом» или первобытном, т.е. примитивном (primitive) мышлении, который продолжается их сторонниками до сих пор [Панов 2021], подчёркивая, что это «примитивное» мышление является не рациональным, а мифологическим и именно потому примитивным, хотя, по мнению выдающегося семиолога Ю.М. Лотмана, «этнические группы, находящиеся на заведомо ранних стадиях культурного развития и характеризующиеся ярко выраженным мифологизмом мышления, в целом ряде случаев могут обнаруживать поразительную способность к построению сложных и детализированных классификаций логического типа». Далее, приведя в качестве примера исследования жизни аборигенов, Ю.М. Лотман отмечает их способность к «комплексному мышлению» и «мышлению в коллекциях» (термин Л.С. Выготского), а также «мышления в понятиях» [Лотман 2004: 534].

Естественно, такая позиция не совпадает с общепринятой, в которой первобытным людям в логическом мышлении отказано [Леви-Брюль 2020], т.к. логика современного человека не совпадает с логикой «дикаря» без учёта контекстов и эволюции мифологического мышления. Но поскольку эти принципиальные разногласия всё-таки выстраиваются в рамках научного дискурса, в котором аргументы Ю.М. Лотмана, К. Хюбнера и К. Леви-Строса противостоят мнению К. Леви-Брюля и его последователей, нам придётся признать, что оценка мифа наукой отражает не только высшие достижения её в данной области исследования, но также и её накопившиеся за последние столетия и до конца не отрефлексированные предрассудки, которыми отчасти страдают обе стороны. Следовательно, в данном подходе есть не только оценка мифа наукой, но и представления о весьма

ограниченных возможностях современной науки по изучению мифа, особенно в его современном воплощении.

Кстати, говоря о творчестве одного из самых выдающихся мифологов XX в. французского антрополога К. Леви-Строса его исследователи отмечают, что в своей, возможно, самой значительной четырёхтомной работе «Мифологии» он вышел на такой уровень обобщений, что поставил под сомнение всё созданное до него здание мифологии как науки [Найдыш 2004: 393], чем, естественно, вызвал в свой адрес многочисленную критику. Но она оказалась относительной, слабо продуктивной и малосодержательной, несмотря на обилие аргументации. В первую очередь это объяснялось особой спецификой мифологии, которая является не набором представлений, лишённых преимуществ науки, но чем-то, принципиально Иным [Лосев 1999]. Тем, что наука плохо понимает, несмотря на постоянные заверения в обратном, и в строго научном плане совсем не умеет использовать. «Благодаря перечисленным особенностям мифов, исследование Леви-Строса стало практически неуязвимо для научной критики» [Леви-Строс 2007: 752], – отмечается в одной из посвящённых «Мифологикам» работ. С другой стороны, выделялось и то, что «автор благоразумно запасся алиби научности для писателей и алиби художественности для ученых, тем самым став недоступным для критики с обеих сторон» [Леви-Строс 2007: 752].

Второе наблюдение, впрочем, показывает, что неуязвимость для научной критики работы К. Леви-Строса связано не столько с особенностями мифов, сколько с особенностями стиля письма К. Леви-Строса и собственно структуры его «Мифологик», более напоминающих не строгую научную монографию, а своеобразную «Тысячу и одну ночь». Не случайно его исследователи в отношении «Мифологик» используют сравнение с «изящной и хитроумной головоломкой» [Леви-Строс 2007: 752], похожей на им же описанный мифологический бриколаж. Но и особенности мифа, как обладающего своей внутренней логикой социокультурного феномена, мы не будем сбрасывать со счётов. В этом смысле к позиции и аргументации К. Леви-Строса учёные будут ещё возвращаться и прислушиваться. Мы же со своей стороны отметим, что, выведя себя из зоны научной критики, К. Леви-Строс в какой-то степени оказался в стороне от строго научного дискурса, что большему пониманию мифа не очень способствует. Но главные его идеи, перекликающиеся с идеями умевших мифологизировать Г.Д. Гачева [Гачев 2003], Дж. Кэмпбелла [Кэмпбелл 2018], Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского [Лотман 2004], утверждают и требуют такого отношения к мифу, которое в нынешних переломных исторических условиях он заслуживает. И это, наверное, главное.

Так, например, по мнению К. Леви-Строса, «лечебный метод шамана кажется точным эквивалентом лечебного метода психоаналитика» [Леви-Строс 2001: 207]. А «сходство обоих методов становится поразительным, когда сравниваешь шаманское врачевание с некоторыми недавно появившимися способами лечения, которые, по мнению их адептов, относятся к психоанализу» [Леви-Строс 2001: 207]. Данное сравнение тем более является важным, если учесть, что «психопатологические расстройства можно передать только языком символов» [Леви-Строс 2001: 207], о чём так много и плодотворно писал К.-Г. Юнг [Юнг 1998]. И хотя у К. Леви-Строса речь идёт о частном сравнении, некая тенденция к выявлению закономерностей в нём уже ощущается, несмотря на то, что и сдерживается психологическими установками исследователей.

Кстати, по мнению выдающегося русского лингвиста А.А. Потебни, открытия в области психологии и зоологии ещё в начале XIX в. показали, что «реальное бытие имеет только особи; что роды, виды, классы суть лишь обобщения и разделения, произведенные человеческим умом и подлежащие произвольным изменениям» [Потебня 1990: 283]. А это значит, что многое из того, что человек получает в виде знаний от общества, есть результат множества непрописанных соглашений о том, что чем надо считать и как понимать в рамках той или иной языковой культуры, опираясь на выработанные в ней культы и табу. Иначе говоря, что считать за «правду» в том или ином обществе, какие социальные ценности культивировать, а какие нормы и идеи осуждать, решает и утверждает его большинство. И хотя каждый раз эти нормы будут обосновываться апелляциями к разуму и науке, мифологии в них будет значительно больше, чем логики, поскольку логика в каждом таком случае будет «работать» на мифологию [Ставицкий 2012с].

В свою очередь в порядке расширения социокультурного аспекта рассматриваемой проблемы отметим, что манипуляция действиями и манипуляция идеями производятся при помощи знаков и символов, то есть, значимых эквивалентов означаемого, относящихся к иному порядку реальности, чем означаемое. А это уже выводит нас на социальные процессы, которые мы наблюдаем в любом обществе. Впрочем, возможно, в данном конкретном случае речь идёт лишь о внешнем сходстве, не учитывающем исходные потенциалы развивавшихся в разных культурных традициях профессии шамана и психоаналитика. Но и его достаточно для того, чтобы выявить сходство, позволяющее ставить вопрос о соотносимости науки с мифом в рамках функционирования культуры как целого, несмотря на их диалектически отражённое в культурно-языковом единстве системное противоречие [Ставицкий 2012b]. А нам и того уже достаточно. Однако, не будем на нём останавливаться и тогда применительно к данному вопросу двойственности представлений исследователей, где научные воззрения неосознанно сочетаются с мифическими, весьма примечательными можно считать взгляды известного российского этолога В.Р. Дольника, который по поводу возникновения «человека сразу с речью» восторженно восклицает: «Это чудо, которое абсолютно непонятно» [Гликман]. Но в отношении к Богу он почему-то настроен иначе. «Я материалист, – жестко говорит Дольник, отчеканивая каждое слово скрипом инвалидного кресла. – Человек после смерти разлагается на молекулы. И все. Точка» [Гликман]. В другом месте своей беседы он уточняет: «для меня Бог существует только в форме законов природы. А такого Бога, который сидит сверху, для меня нет» [Гликман], демонстрируя какой-то упрощённо детский, не очень понятный для глубокого учёного, подход.

В самом деле, почему Бог должен обязательно где-то сверху сидеть? Почему бы ему не быть, например, разлитым в природе, представляя ту духовно образующую и естественно организующую силу, которая материалистом воспринимается как «чудо, которое абсолютно не понятно»? Вообще, если возникновение человека с речью для учёного «абсолютно не понятно», то почему он так легко отмахивается от варианта, который это образование объясняет, лишь потому, что он не вписывается в его воспитанные годами научной деятельности представления? И пусть речь идёт только о допущении, которое не может быть доказано эмпирически, сохранить его в рамках гипотезы, учёный просто обязан. Ведь ясно же, что, независимо от того, является ли В.Р. Дольник материалистом или нет, он в первую очередь учёный-исследователь. А исследователь не должен отбрасывать те версии, которые он не

может доказать или опровергнуть, лишь на том основании, что его убеждения ему так думать не позволяют. И что ненаучного в том, чтобы предположить наличие значительно более сложной и совершенной системы, чем человек, способной сознательно влиять на нас и природу, которую с древности называют богом?

Впрочем, отметим, что ссылки на животный мир, когда речь идёт о мире социальном, хотя и уместны, но не вполне учитывают исследуемой реальности, так как её нельзя свести к животным инстинктам и физиологии. Однако, подобного рода примеры в учёном мире довольно типичны, о чём, в частности, свидетельствует попытка показать, опираясь на данные этологии, что мысль о всеобщем равенстве с точки зрения биологии абсурдна. «Такая мысль время от времени возникает, – считает профессор В.Р. Дольник, – но для воплощения ее нужно создать другого человека. Бухарин говорил, что путем истребления миллионов людей мы выведем коммунистического человека. Но у них ничего не получилось. Получился социалистический человек. Плод реального социализма. А реальный социализм – это чистый обезьянник. Этнографы обнаружили у некоторых племен, зашедших в тупик и вторично деградировавших, разного рода "выверты". Одни были озабочены тем, чтобы ни у кого из сородичей не имелось никакой собственности, ничего своего. Другие – сложным дележом добычи. Третьи – чтобы все делали одну и ту же работу сообща и одновременно. Четвертые объедались наркотиками и попадали во власть не злоупотреблявших наркотиками женщин. И так далее. Социализм с человеческим лицом невозможен» [Крышук].

Отметим, наверное, кого-то такая категорическая простота и подкупает, особенно, если данные выводы ложатся на разочарования от развала СССР, однако она ярко диссонирует с научными подходами, которые требуют оценивать социальные процессы исходя из их внутренней логики и контекстов, а не сообразно с жизнью, устройством и поведением пчёл или обезьян. Хотя, если человек во всём подобен выживающему в рамках пищевой цепочки животному и не в состоянии с помощью культуры и социальной организации контролировать свои инстинкты, отрицая саму возможность самосовершенствования, то В.Р. Дольник абсолютно прав. Но история знает немало примеров иного свойства и качества и, несмотря на неудачу СССР, не может закрыть возможность такого развития окончательно, как бы утопично это ни казалось сейчас. По ходу, желая закрепить свои выводы о невозможности реализации социализма с человеческим лицом, В.Р. Дольник приводит пример из мира животных, где «борьба за главенство в стаде, в стае – одна из врожденных программ. Вожаку (самому агрессивному, но не обязательно самому умному) принадлежат лучшие самки, лучшие куски. А все остальные четко организованы в пирамиду соподчинения. Формы иерархии разные. У горилл – автократия: во главе стаи старший самец с седой спиной. А у павианов – геронтократия (власть старых), правят несколько патриархов. У макак – охлократия (власть наихудших). У них есть гнусная программа: бей слабого! Стоит вожаку наказывать подчиненного, как другие спешат помочь – кричат на провинившегося, кидают калом, норовят ткнуть чем-то, плюнуть. Даже «подонки» – с самого дна, даже самки» [Дольник]. Но, если генетически человек отличается от высших приматов всего на 4-5%, а в остальных 95% их генетический код совпадает, даёт ли это основание считать, что человек живёт лишь по заложенным в него природой программам? На наш взгляд, этология действительно кое-что в данном вопросе проясняет, но делать, опираясь на неё, какие-то фундаментальные выводы для жизни

человеческого социума, на наш взгляд, следует считать опрометчивым и поверхностным.

В любом случае данное затруднение говорит лишь о том, что наши знания не полны и нуждаются в дальнейшем развитии, что для науки является нормальным. Открытые ранее законы могут очень долго считаться правильными, но в какой-то момент под воздействием новых фактов оказаться неверными, вынуждая пересмотреть ставшие привычными представления, и наоборот, то, что долгое время считалось ложным, в несколько иной среде или ситуации будет признано наиболее верным. И к подобного рода поворотам каждый исследователь должен быть психологически готов, чтобы пересмотреть привычное ради расширения сферы познания и движения вперёд. Р. Фейнман напоминал об этом, подчёркивая, что «в прошлом всегда оказывалось, что для того чтобы выйти из аналогичного затруднения, приходилось пожертвовать каким-то глубоко укоренившимся представлением» [Фейнман 2020: 242]. Особенно, если знания в одной области проецируются на другую.

Заключение (Conclusions)

Какие выводы можно сделать в заключении? Похоже, говоря о мифе, наука не меньше рассказывает о себе, раскрывая свои особые тайны. Однако, миф оказался значительно сложнее, чем раньше считалось, несмотря на общее утверждение, что «природа проста, а потому прекрасна» [Фейнман 2020: 254]. Особенно в его расширительном толковании, т.е. в широком смысле слова, где под ним исследователи понимают в образно-символической форме отражённую сознанием реальность, а склонность человека распространять обобщённое в законах и правилах своё знание частного на весь мир, представляющий собой живую и постоянно меняющуюся бесконечность, играет с ним злую шутку, подменяя новое привычным.

Возможно, поэтому за прошедшие тысячи лет, о том, что понимать под мифом, люди не договорились даже на уровне определения, когда знания накоплены огромные, а понимания до сих пор нет, хотя «миф – это прежде всего форма знания. Причем, форма знания особая, которая содержит в себе и чувственно-образные, и абстрактно-понятийные компоненты. Любой миф содержит в себе признаки качественного перехода от чувственно-образного к абстрактно-понятийному уровню познавательной деятельности, *переходной фазы* от образа к мысли» [Найдыш 2022: 14]. Однако исследователи мифа надеются данное противоречие преодолеть с помощью общей теории мифа (ОТМ) [Найдыш 2004: 464–484], руководствуясь идеей, что мифологическое мышление изначально свойственно человеку, что оно не лучше и не хуже абстрактного мышления, но представляет собой другой способ понимать мир в образно-символической форме, оперируя не столько понятиями, сколько знаками, образами, символами с помощью метафор и ассоциаций, что является для него важным, ибо для человека значимы не факты сами по себе, но смыслы, которые они несут, а миф формирует поле ценностных смыслов и справляется с этим на протяжении тысячелетий, обеспечивая людей тем, что для них наиболее значимо.

Надежды на это связаны не только с тем, что мир нуждается в понимании мифа как явления и инструмента, который применительно к сознанию выступает оружием массового поражения, но в первую очередь с признанием очевидной ныне идеи, что «наука доросла до того, чтобы понять, что мифотворчество свойственно человеку и обществу уже в силу потребности в смыслах, а миф эти смыслы создаёт» [Ставицкий 2022: 56], формируя то поле ценностных смыслов культуры, которыми все мы живём.

Литература

Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003. 288 с. («Мир Востока»).

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Изд. группа Прогресс, Универс, 1994. 616 с.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва: Эксмо, 2003. 544 с.

Гликман Е. Тот, который не стрелял. Краткое жизнеописание великого птицелова Виктора Дольника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/35/31.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Дольник В.Р. Убегая от обезьяны [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (дата обращения: 09.05.2023).

Ильянович Е.Б. Миф и наука как когнитивные системы: современные отношения // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 89–100.

Крышук Н. Виктор Дольник: Непослушное дитя биосферы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idelo.ru/443/23.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Кэмпбелл Дж. Сила мифа. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2020, 430 с.

Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 4. Человек голый. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2007. 784 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.

Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 658 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. 574 с.

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 13–31.

Найдыш В.М. Философия мифологии XIX – начала XXI в. Москва: Альфа-М, 2004. 544 с.

Панов Е.Н. Человек и природа в архаическом коллективном сознании. Москва: Гнозис, 2021. 344 с.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Москва, 1985. 344 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.

Рассел Б. Искусство мыслить. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с. 2-е изд., испр.

Режабек Е.Я. Становление мифологического сознания и его когнитивности // Вопросы философии. Москва, 2002. № 1. С. 52–66.

Сайко Э.В. Миф – феномен социальной эволюции, этап становления и способ организации мышления // Мир психологии, 2003. № 3 (35). С. 3–11.

Ставицкий А.В. Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 56–74.

Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012а. 543 с.

Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012b. 192 с.

Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012с. 240 с.

Фейнман Р. Характер физических законов. Москва: Издательство АСТ, 2020. 256 с.

Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. Москва, 1994. 326 с.

Хюбнер К. Прогресс от мифа, через логос - к науке? / К. Хюбнер // Наука в культуре / Под ред. В. П. Поруса. Москва: Эдиториал УРСС, 1998. С. 250 –260. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6257> (дата обращения: 09.05.2023).

Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. Москва: Серебряные нити, 1998. 368 с.

References

Albedil M.F. Mirror of Traditions: Man in the Spiritual Traditions of the East. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2003. 288 p. ("The World of the East"). (In Russian).

Barth R. Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow: Izd. group Progress, Univers Publ., 1994. 616 p. (In Russian).

Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Per. with German. L. Dobroselsky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 160 p. (In Russian).

Gachev G.D. Mentality of the Peoples of the World. Moscow: Eksmo, 2003. 544 с.

Heisenberg W. Steps Beyond the Horizon: Per. with German. / Sost. A.V. Akhutin; ed. and intro. by N.F. Ovchinnin. N.F. Ovchinnikov. Moscow: Progress Publ., 1987. 368 с

Glikman E. The One Who Did Not Shoot. A Brief Biography of the Great Ptitselov Victor Dolnik [Electronic resource]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/35/31.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Dolnik V.R. Running away from the Monkey [Electronic resource]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Ilyanovich E.B. Myth and Science as cognitive systems: modern relations // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 89 – 100. (In Russian).

Kryshchuk N. Viktor Dolnik: Naughtly Child of the Biosphere [Electronic resource]. URL: <http://www.idelo.ru/443/23.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Campbell J. The Power of Myth. St. Petersburg: Peter Publ., 2018. 304 p. (In Russian).

Levy-Bruhl L. Primal Thinking / Per. from Fr. B.I. Sharevskaya. 2nd ed. Moscow: Academic Project Publ., 2020, 430 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Mythologie. In 4 t. Vol. 4: The Naked Man. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2007. 784 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Structural Anthropology / Per. from Fr. Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EXMO-press Publ., 2001. 512 p. (In Russian).

Losev A.F. The Self: Essays. Moscow: EXMO-Press Publ., 1999. 1024 p. (In Russian).

Lotman Y.M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPB Publ., 2004. 704 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2020. 658 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference. V International scientific interdisciplinary conference (June 2021, г. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. 576 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, г. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2023. 574 p. (In Russian).

Naidysh V.M. The Archaeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // *Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology*. no 1. 2022. Pp. 13–31. (In Russian).

Naidysh V.M. Philosophy of Mythology XIX – beginning of XXI Century. Moscow: Alfa-M Publ., 2004. 544 p. (In Russian).

Panov E.N. Man and Nature in Archaic Collective Consciousness. Moscow: Gnosis Publ., 2021. 344 p. (In Russian).

Perelman admitted that he Knows How to Manage the Universe [Electronic resource]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Polanyi M. Personal Knowledge. On the Way to Postcritical Philosophy. Moscow, 1985. 344 p. (In Russian).

Potebnya A.A. Theoretical Poetics. Composition, Introduction, Commentary / A.B. Muratov. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 1990. 344 p.

Russell B. The Art of Thinking. Moscow: Idea-Press Publ., House of Intellectual Book Publ., 1999. 240 p. 2nd ed., revised. (In Russian).

Rezhabek E.Ya. Formation of Mythological Consciousness and its Cognitiveness // *Voprosy filosofii*. Moscow, 2002. № 1. Pp. 52–66. (In Russian).

Saiko E.V. Myth – a Phenomenon of Social Evolution, a Stage of Formation and a way of Organisation of Thinking // *The World of Psychology*, 2003. № 3 (35). Pp. 3–11. (In Russian).

Stavitsky A.V. General Theory of Myth on The Structure Of Its Functioning // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022a. Pp. 56–74. (In Russian).

Stavitsky A.V. Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ., 2012b. 543 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Modern Myth and its Main Functions. Sevastopol: Ribest Publ., 2012b. 240 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Modern mythology: experience of comprehension of the Other. Sevastopol: Ribest, 2012c. 192 p.

Feynman R. The Nature of Physical Laws. Moscow: AST Publishing House, 2020. 256 p. (In Russian).

Hübner K. Critique of Scientific Reason / Per. from German. Moscow, 1994. 326 p. (In Russian).

Hübner K. Progress from Myth, through Logos - to Science? // Science in Culture / Edited by V. P. Porus. P. Porus. Moscow: EDITORIAL URSS Publ., 1998. Pp. 250–260. [Electronic resource]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6257> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Jung K.G., von Franz M.-L., Henderson J.L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Moscow: Silver Threads Publ., 1998. 368 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and International Relations, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Наука о мифе и мифологическом мышлении: антропологический аспект // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2(6), 2023. С. 38–50.

For citation:

Stavitsky A.V. Science of Myth and Mythological Thinking: Anthropological Aspect // MYTHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 38–50.